

Этот испанец из Голливуда не переносит желтую прессу.

Фото Reuters

Антонио Бандерас: «Я никогда не похищал порнозвезд!»

Звезда Голливуда стал актером, потому что в детстве сломал ногу

Екатерина Барабаш
Канны

Герой-мачо в кино, в жизни Антонио Бандерас давно перестал придерживаться этого имиджа. Он вообще из тех актеров, которые легко выходят из роли, не позволяя публике отождествлять себя с сыгранными персонажами. Роковой сердцеед на экране — и примерный семьянин в жизни; негиббасый мачо в кино — и смешливый в разговоре; уверенный красавец в фильмах — и очень спокойный, в мягком пуловере, с мягкими манерами, просто симпатичный человек. Неужели «Маска Зорро», «Интервью с вампиром» — это все он? Кажется, ему гораздо больше подходит Кот в сапогах, которого он озвучил в «Шрек-2» и с которым приехал в Канны, — мягкий, как плюшевая игрушка, но заводной и упрямый, когда того потребуют обстоятельства. Впрочем, сейчас и не сразу вспомнишь, что известность ему принесла роль молодого, слегка закомплексованного, аккуратно стриженного интеллигента в очках из «Женщин на грани нервного срыва» Педро Альмодовара. Фильм, с которым он впервые попал в Голливуд, — картина была номинирована на «Оскар» как лучший иностранный фильм. Личная жизнь Бандераса, кажется, известна всем. Он женат на одной из самых талантливых актрис Америки Мелани Гриффит, у них общая дочь Эстелла и двое усыновленных Бандерасом детей от первого брака Мелани.

— Вас как называть — сеньор Бандерас или мистер Бандерас?

— Давайте, чтобы не ударяться в долгие разговоры, кто я больше — испанец или уже американец, давайте здесь мы все будем мадам и месье.

— Месье Бандерас, что это вы вдруг согласились озвучивать мультки? Да еще кота.

— Мультки тоже разные бывают. Я ведь и в художественном фильме далеко не в каждом снимаюсь. А «Шрек» — это мультфильм «от кутюр», это высокий класс. А в какой я там компании — Кэмерон Диас, Эдди Мерфи, Руперт Эверетт, Майк Майерс, Ларри Кинг! Только мечтать можно. А там, где Эдди, вообще трудно работать — слишком весело.

— Вот так скоро вас и будут узнавать: «А, Бандерас, это который кота озвучил, а Мерфи — это тот, который озвучил осла». Не боитесь?

— Я давно уже никого и ничего не боюсь, кроме своей дочки.

Она иногда со мной строгая бывает. Но это потому, что я ее всю жизнь балую, она с раннего детства знала, что у папы все можно выпросить. Вот у мамы — сложнее. Эстелла у меня все-таки первый ребенок, у Мелани уже был опыт, как детей усмирять. А у меня — нет. Поэтому я ее до сих пор побаиваюсь. А насчет того, должен ли я бояться, что нас компьютеры вытеснят, — да никогда, ни за что. Помните, что все кричали, когда появилось телевидение?

— Нет, меня тогда еще не было.

— Да и меня тоже, это я так. Все же рыдали, что кино умрет. И что, где похороны? Интернет появился — тоже стоны пошли, что читать перестанут, в кино ходить перестанут и прочее. Не надо ничего бояться, только гнилое отпадает.

— У меня не очень тренированное ухо, но, по-моему, вы наконец почти избавились от акцента.

— Ничего себе «почти»! Я совсем, окончательно и навсегда

большой в мире склад грязного белья». Я тогда не верил.

— Теперь поверили?

— Лучше не будем об этом. Давайте о кино.

— Конечно. Вы так хорошо начинали в Испании, где такие мощные кинематографические традиции, стали актером номер один. Почему вдруг в Америку понесло? Жажда еще большей славы?

— В какой-то мере, конечно. Но в большей мере — стечение обстоятельств, это не так интересно. А то, что дал мне Альмодовар, я никогда не забуду. Педро — один из моих ангелов-хранителей. Когда он предложил мне роль в «Законе желаний», по ходу которой я должен был целоваться с женщиной, я думал — умру от ужаса, все представлял, что у того мужчины огромные усы. Две недели не спал. Я до этого уже у него снимался — в «Лабиринте страстей». До сих не могу понять, почему он всегда видел во мне су-

ве мне могло в голову тогда прийти, что все именно так и будет? Когда через 15 лет я снова приехал в Малагу — это наш городок, мой брат так и живет там, в той нашей маленькой квартирке, — был уже Голливуд, лимузин, девушки, только Мелани еще не было, я ему говорю: «Без тебя я бы никем не стал. Что я могу для тебя сделать?» А он отвечает: «Ничего. У меня все есть. Только обещаю, что если рядом с тобой кому-нибудь станет плохо, ты его тоже будешь вот так, как я тебя, ободрять». Такая вот история.

— Многие знаменитые актеры жалуются, что стали заложниками своей внешности или заложниками одной роли. Вы чувствуете себя каким-нибудь заложником?

— Я заложник профессии. Но, конечно, многие используют и мое происхождение, и внешность, и прежние роли эксплуатируют. Но я все же снимался у Альмодовара, который сумел во мне разглядеть то, чего не разглядели другие. Или в «Филадельфии», в «Десперадо».

— А как вы сами оцениваете ваш первый режиссерский опыт — «Безумную в Алабаме»?

— Во-первых, этот фильм получил приз Европейской киноакадемии. Во-вторых, для меня было самое важное, что этот фильм я делал для Мелани. Это был мой ей подарок, и она там великолепно сыграла. Впрочем, она везде хорошо играет.

— Когда вы играете крутых героев вроде «Маски Зорро», вы трюки сами проделываете?

— Ну что у вас представления? Каждый должен заниматься своим делом. Если я свалюсь с лошади и сломаю ногу или что-нибудь расколочу — это будет стоить гораздо больше, чем взять дурака.

— В заключение по правилам хорошего тона полагаюсь спросить, как вы относитесь к тому, что вас называют секс-символом

— Не обижает. Даже приятно. Только это не так. Просто мне повезло, я известный, меня знают, видят, обсуждают. Вы не поверите — мне за других мужчин обидно. Я иногда иду по улице, а мимо меня идут красивые, подтянутые, спортивные. Куда лучше меня. Но они в кино не снимаются — вот и вся разница. Секс-символ — это вопрос времени. Пройдет сколько-то лет, я стану разбитым стариком с выпавшими волосами, без зубов. И кто-нибудь скажет: «Посмотрите на него, а ведь когда-то он был секс-символом».

Когда меня называют секс-символом, мне за других мужчин обидно

его забыл. Сколько я занимался — не приведи Господь. Я же понимал, что в нашем мире все очень четко и жестоко. Чуть-чуть не подходишь — выпадешь. Когда мы снимались с Томом Хэнксом в «Филадельфии», он меня все успокаивал: «Что ты нервничаешь, твой акцент — это такая экзотика, тебе его, наоборот, сохранять надо, женщины от него с ума сходят». Но я его не послушался и продолжал заниматься. Теперь совсем чисто говорю. Может, это еще потому, что я женат на американке.

— Какую благодатную тему вы затронули. Ваш брак с Мелани Гриффит в свое время кормил не одну сотню папарацци.

— Когда-то — да. Мы, конечно, сами им давали пищу, все-таки два таких темперамента. Думал, разоримся на судебных исках. Потом мы сказали: «Все. Что наше — то наше». И журналисты перестали для нас существовать. Я, разумеется, имею в виду желтую прессу, не обижайтесь. В самом начале нашей совместной жизни я дико бесился, переживал, когда всякую чушь про себя в газетах читал. А Мелани спокойно так говорила: «Призывай, дорогой, ты попал в Голливуд, а это самый

масшедших геев, похитителей порнозвезд. Где он там это разглядел, я в жизни никого не похищал. Я сначала говорил: «Этот Педро или гений, или сумасшедший».

— Но все-таки он потом снял вас в «Женщинах на грани нервного срыва» — тонкая, интеллигентная роль.

— Просветление нашло.

— А кто еще ваш ангел-хранитель?

— Еще Мелани и Франциско, мой брат. Если бы не он, не представляю даже, кем бы я сейчас был. Это он придумал, что у меня актерский дар. Я-то думаю, ему было все равно что придумывать, он просто боялся, как бы я с катушек не съехал. Мне было тогда 14 лет, я играл в футбол почти профессионально, сломал ногу. Врачи сказали — все, про футбол забудь навсегда. Я лежал в гипсе на крыше и был близок к самоубийству. А Франциско лежал рядом и что-то бубнил о том, какая хорошая драматическая студия у нас в городе открылась, надо туда записаться, все девушки будут моими, а потом я поеду в Голливуд, буду ездить на длинном белом лимузине и в меня будут влюбляться самые красивые кинозвезды. Господи, раз-